

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шавич

Истории от доктора

Продолжение

Начало в № 7, 8, 10, 12 – 2024

Глава 10

– Мамочка, как же здорово ты выглядишь, – я обнимала сына, целовала его везде, не в состоянии оторваться от моего мальчика. Да какой он мальчик?! За те месяцы, что мы не виделись, он заметно возмужал, повзрослел и очень изменился.

И тут я поняла, почему.

– Мамочка, познакомься, это Мияко. Мы вместе, – сын радостно улыбался, обнимая очень симпатичную стройненькую, как веточка, девушку. – Мамочка, представляешь, Мияко тоже танцует!

– Здравствуйте, мадам Лапинье, я так рада с Вами познакомиться, мне Филс так много про Вас рассказывал, – девушка слегка поклонилась, наверное, по японской традиции, а затем, после секундной заминки, порывисто обняла меня и поцеловала в обе щеки совсем по-французски и рассмеялась.

Мне стало так тепло и хорошо на душе, что я чуть не расплакалась от радости видеть счастливого сына, от того, что его избранница была мне очень симпатична, что моё первое впечатление о ней было таким тёплым.

Они познакомились на выставке новых работ отца, куда Филс был приглашён самым первым. Мужчины всё-таки поговорили по душам, выяснили отношения, и наш мальчик смирился с тем, что произошло. Конечно, ему было непросто принять, что у отца теперь другая семья и даже подрастает маленький братик. Но жизнь продолжалась, и к тому же он очень любил отца, чтобы не суметь ему простить. И даже познакомился с его новой женой. Если честно, я была этому рада. За них обоих.

К тому же в экспозиции были представлены несколько старых работ, которые я так и не смогла продать. Среди них два моих портрета из ранних. Туда же на выставку была приглашена семья Мияко, отец которой служил представителем японского автомобильного концерна в столице Франции. Главного спонсора выставки. После нашего развода бывший муж нуждался в финансовой поддержке для организации экспозиции и обратился за помощью к нему. Там молодые люди познакомились и с тех пор вместе. Филс даже пошёл на курсы японского языка, и ребята уже планируют поездку на следующие каникулы в Японию и подумывают о первой совместной съёмной квартире. Семья девушки живёт уже больше пяти лет в стране, Мияко закончила гимназию в пригороде Парижа и поступила в столичную балетную школу. Танцы всегда были её мечтой с детства. Ей ещё учиться три года, девочку уже приглашали пару раз на большую сцену в массовку, и она одержима балетом. Но что будет дальше, ребята пока не загадывают. И слава Б-гу. Им хорошо вместе, и это заметно. И пусть так и будет. Как оказывается бывает тесен мир, и какие занимательные сюжеты преподносит нам жизнь. Удивительно и неповторимо.

Филипп привёз новости из Парижа, кучу фотографий и

видео, снятые на телефон, от мамы и мадам Воизон с Адамом. И ещё письмо от месье Конфин, в котором сообщалось, что мои финансовые и другие официальные дела в порядке, и мне не стоит волноваться. Нотариус писал, что дом продан, но с отсрочкой вступления в права на девять месяцев и с правом обратного выкупа. Мне пришлось дважды перечитать сообщение о доме, прежде чем я поняла его смысл. Старый и мудрый месье Конфин, единственный, кого я посвятила в свою непростую ситуацию, давал мне возможность вернуться в последние дни в свой родной дом. Я очень растрогалась от этого его жеста и вынуждена была объяснять сыну, что мои всхлипывания и влажные глаза – это слёзы радости от встречи с родными.

Мы приняли предложение Натана и провели чудесные пять дней на озере Кинерет. Я была счастлива, наблюдая за своим влюблённым сыном, видела, сколько нежности, внимания и страсти царят в их отношениях. И Мияко нравилась мне всё больше. Девочка была умна, воспитана и, несмотря на свой юный возраст, обладала, как мне казалось, очень важным достоинством – женской мудростью. К счастью, это не было моим неоправданным всепрощенческим терпением, а скорее, присущим лишь восточным женщинам умением строить отношения, давая понять мужчине его главенство. Но и не позволяя думать, что это вызвано покорной слабостью. Нет, эта была сила. Особая сила любящей женщины.

Взяв напрокат машину, мы проехали через Нацерет с его традиционными христианскими реликвиями. Особенно поразил Нижний Нацерет – типично арабский: шумный, неторопливый, местечковый и на удивление вежливый и приветливый. Здесь не ссорятся с евреями, с ними торгуют, дружат, общаются – в общем, спокойно сосуществуют. Мы не могли не посетить Храм Благовещения. Тут Деве Марии, пришедшей по тропинке к роднику за водой, сообщили архангелы, что она родит божьего сына. Родник на месте, тропинка тоже. Всё совершенно доступно, можно даже прикоснуться к истории. Мы омыли лица из родника, попили святой воды и отправились дальше в Хайфу, где остановились на пару дней. Походили в Бахайском саду по дорожкам, где, согласно их религии, ходят только Б-ги, вдоволь накупались в Средиземном море и посетив ещё Кесарию с её развалинами, добрались до Мёртвого моря. Искушавшись в маслянистой воде и переночевав в гостинице, мы наконец-то отправились в Эйлат.

Эйлат – жемчужина, закатая в самом маленьком уголке Красного моря между Иорданией и Египтом, размером с... полчаса из конца в конец. Отели прямо у моря. Когда мы приехали – воздух 29° и вода 24°. Солнце, море, мой сын рядом, счастье и... израильтяне. Мы сняли отель не из дешёвых, но в это время года гостей в гостинице было немного – так, парочка россиян, англичане да мы. Нам рассказали, что государство организывает в этот «не сезон» поездки к морю местных пенсионеров за практически бесплатно. От общения с этими коренными израильтянами мои эмоции за три дня трансформировались из неприемлемо-отталкивающих до любви к этим израильским старикам, многие из которых наверняка воевали за независимость родины и теперь наслаждаются морем за счёт СВОЕЙ страны. Дамочки за семьдесят в вечерних платьях и кроссовках на босых ногах; цивилизованный бедуин в кипе и с четырьмя

жёнами; немолодой аид, поющий молитвы перед трапезой так громко, что слышно, наверное, даже в Иордании. Еду все набирают со шведского стола исключительно руками, ещё и облизывая при этом пальцы; толкают «молодёжь», чтобы пролезть к тарелкам без очереди, совершенная бесцеремонность в общении – всё вызывало у нас с Филиппом и особенно у Мияко абсолютный шок. Страх, что я незаслуженно так сильно полюбила эту страну, начал заползать ко мне под кожу, но всё стало на свои места на второй день нашего пребывания. В фойе гостиницы находился рояль, и каждый вечер к нему подходил слепой невысокий и немолодой мужчина с признаками синдрома Дауна на лице. Он нащупывал палочкой стул у рояля, садился к нему, доставал телефон, набирал по звуку кнопок чей-то номер, говорил кому-то невидимому тихим голосом: «Шалом. Беседер. Шалом», мол добрался, всё хорошо, и... начинал играть. Если Б-г есть, то наверное его частичка жила в этом Музыканте. Как он играл! И классику, и блюз, и джаз, и какие-то собственные обработки популярной музыки. И я замечала, что отель замирал на эти пару часов. Куда девалась типично израильская говорливость и шумность! Затихали голоса, успокаивались дети, молодёжь уступала места пожилым. Казалось, все боялись дышать, чтобы не спугнуть это волшебство. А главное – это слёзы. Немало из этих так много переживших пожилых людей просто плакали. Может, вспоминали детство в концлагерях, а может, погибших за свободу страны товарищей, а может, от обычного стариковского спокойного счастья. И от музыки слепого пианиста с синдромом Дауна. Такого я не видела нигде и никогда, и это примирило меня с ними, и уже на следующее утро перед завтраком я сама тоже весело насвистывала мелодию Битлз, засевшую со вчерашнего вечера у меня в голове, как и мой сосед, громко поющий свою молитву перед едой.

К сожалению, через несколько дней нашего пребывания в этом городе мы вынужденно сбежали. Белокожая Михико не рассчитала свои возможности и на второй день ожидаемо сгорела на солнце. У неё поднялась температура, девочке было очень плохо, мы носились между аптекой и гостиницей, и на пятый день, когда ей стало легче, решили уезжать. За эти дни мне открылись ещё пару приятных нюансов их взаимоотношений: её сила духа – девочка с удивительной стойкостью перенесла свои страдания, что заслуживало уважения. И ещё меня поразило, какой заботливостью и нежностью по отношению к женщине может обладать мой мальчик.

Глава 11

– Так, а Якоби переехал в свою квартиру. У него есть собственное жильё в Старом городе, – Эливет не скрывала, что очень рада меня видеть, – ему ещё было рано уезжать, он только начал ходить, но он так решил, и всё. Ты же знаешь, какой мой мальчик самостоятельный. Сказал, что и так уже много времени потерял. И не хочет больше никого обременять. Ты не поверишь, он уже собрался выходить на работу. Не понимаю зачем – ему же предложили хорошую пенсию по ранению, а он... на работу. Сумасшедший!

Честно признаюсь, я растерялась. Я так ждала нашей

встречи, так хотела его увидеть и надеялась, что мы сможем поговорить. Подбирала слова, которые ему скажу. А он... похоже, он просто сбежал. А может, я всё себе напридумала, и он, как взрослый и сильный мужчина, просто решил заботиться о себе сам, не доставляя лишних неудобств родным.

– Что это я всё о нас, расскажите, как ваши дела, как поездка. Выглядите отменно. Загоревшие, отдохнувшие, приятно смотреть. Ну, давайте, садитесь, я вас буду кормить ужином с дороги, – Эливет обнимала меня, искренне радуясь встрече.

У меня немного отлегло от сердца, и я на мгновение почувствовала, что как будто вернулась домой.

...

– Мамочка, мы не хотели тебе говорить, что должны уехать на несколько дней раньше. Понимаешь, Мияко получила предложение участвовать в постановке «Жизели». Правда, в кордебалете, но для студентки это такой шанс, что она не должна его упустить. Начало репетиций через неделю. И мы уже взяли билеты.

– Филипп, но мы же ещё... мы даже не были в Иерусалиме, – я пыталась что-то растерянно говорить, хотя прекрасно понимала, что молодые люди уже всё решили и уезжают.

– Мадам Лапинье, Вы простите нас, пожалуйста, но это такая непредвиденная удача, что мы должны ехать, – Мияко было неловко, что она отнимает у меня сына на пару дней раньше, не понимая, что забирает мальчика у меня уже навсегда. Во всех смыслах.

– Разумеется, поезжайте. Конечно, такой шанс бывает не каждый день и его нельзя упускать. Девочка моя, я тебя понимаю, как никто другой, я на твоём месте поступила бы также, даже не раздумывая, – я обняла её, поцеловала и не смогла сдержать слёзы. Что-то я стала много плакать последнее время.

Ребята улетали уже через два дня, Натан отвёз нас в аэропорт, мы стояли у стойки регистрации и не могли оторваться друг от друга. До последнего времени я даже представить не могла, как сильно привязана к сыну. Раньше мне казалось, он был рад уехать учиться в Париж, желая вырваться из-под родительской опеки. И там стал таким самостоятельным и взрослым, что уже в нас и не нуждался. А оказалось, несмотря ни на что, мы по-прежнему были близки и даже сильнее, чем когда-либо.

– Мамочка, можно тебя на минутку, – Филипп отозвал меня в сторону, загадочно улыбаясь. – Мама, пойми меня правильно и не удивляйся, просто возьми это и, если захочешь, воспользуйся, – он протянул мне какой-то листок. – Мамочка, я люблю тебя, скоро увидимся, – сын чмокнул меня в щеку, подхватил под руку Мияко, и они помчались на регистрацию.

Я пришла в себя уже на подъезде к городу и развернула листок, переданный мне сыном. На нём стоял адрес квартиры Якоби в районе Неве-Цедек.

Я сидела на террасе и думала, что делать дальше. Мне казалось, я подошла к черте, когда надо было принимать решение. И я решила возвращаться во Францию домой.

– Эливет, мне невероятно хорошо с тобой. Спокойно. Но нам надо поговорить, – мы сидели на террасе, пили вишнёвку и наслаждались тёплым вечером, – я, пожалуй, поеду домой. Я уже долго здесь, пора уезжать.

– Я знала, что что рано или поздно, но это произойдёт, и мы

должны будем поговорить, – Эливет была явно расстроена. – Знаешь, как я к тебе привязалась. У меня никогда не было дочери, да и бывшая невестка ею не стала. Но ты... Ты за эти месяцы стала мне как дочь. Родная и близкая. Понимаешь?

Я видела, догадывалась, что ты неспроста приехала сюда. Что-то глубоко личное привело тебя в эту страну, в мой дом, к Нему. Думаешь, я не понимаю, почему, а вернее, из-за кого ты хочешь уезжать. Это ведь из-за Якоби, верно? Ты разве не понимаешь, что он сбежал. Узнал, что вы возвращаетесь, испугался и сбежал. Я же видела, как мальчик смотрел на тебя. Я мать, я всё чувствую. Он любит тебя, вот и сбежал. Смелый, а струсил. Ты такая красивая, умная, из Франции. А он раненый-перераненый полицейский. Вот он и струсил. Знаешь, его бывшая жена тоже была очень красивая. И гордая. Он так сильно её любил! И что вышло: разбила мальчику сердце и бросила. И дочь забрала. Вот он и боится снова поверить. Думает, что никому не нужен. Тем более такой. Понимаешь? Ната, скажи, а ты... тебе он нравится? Если ничего на сердце нет, то, знаешь, ты правильно решила, уезжай. Так будет всем лучше.

Эливет встала, поцеловала меня в макушку, погладила по руке и ушла на свою половину. Наверное, нас всех кто-то ведёт по жизни. Некоторые вещи не случаются, просто не могут случиться сами по себе. Вот и сейчас, я пошла в свою комнату, передела джинсы и свитер на юбку и лёгкую прозрачную блузку и вызвала такси.

– Ты?! Это действительно ты?! – Якоби смотрел на меня безумными от удивления и счастья глазами, и не верил в реальность происходящего.

Я стояла в дверях его квартиры, красивая до головокружения, гордая и покорная одновременно. Так продолжалось, наверное, целую вечность, пока наконец он не взял меня за руку и тихонько не притянул к себе. И только тут, почувствовав прикосновение его пальцев, я поняла, а вернее, ощутила, как мне его не хватало, как мне дорог и близок этот мужчина.

Я не знала, не хотела думать, было ли решение сюда приехать безумием с моей стороны или очередным предательством по отношению к себе и к нему. Я просто видела его глаза, полные любви и страсти, и не хотела думать ни о чём. В конце концов, я просто женщина.

– Прости меня за неуместный вопрос, но я хотел бы спросить: можно мне тебя поцеловать? Извини, я не знаю, может мне надо тебя сначала пригласить в ресторан, потом сходить в кино, погулять по набережной, а потом познакомиться с мамой? Хотя, нет, с моей мамой ты уже знакома. Так что... можно?

– Действительно, если я с мамой уже знакома, то вопрос, мне кажется, неуместный...

Я влюбилась. Не до беспамьятства, но неожиданно сильно. Осознанным взрослым чувством. Подарок судьбы или наказание – неизвестно. Я не знала, сколько нам двоим будет даровано сверху, но была уверена, что мне все эти ощущения и эмоции надо было прожить.

Пусть даже не долго.

Ваш доктор Шаевич
Окончание следует